

Марина СОЛОВЬЕВА

Родилась в Горьком. Окончила Горьковский медицинский институт и всю жизнь работает врачом – дерматовенерологом, онкологом, лазерным хирургом.

Автор романов «Усохни, перхоть, или Школа, которой больше нет», «Время неискушенных», сборника рассказов «Разные двери». Публиковалась в журналах «Нижний Новгород», «Сура», «Север», «Подъем», «Бельские просторы», «Традиции и авангард», «Русская мысль» (Париж), «Наш современник» и других. Переведена на китайский язык и опубликована в русско-китайском сборнике «Хочу в семью» (2023).

Финалист премий «Гипертекст», «Болдинская осень», им. Левитова, «Петроглиф», «ЭтноПеро», «Современный российский рассказ», форума-фестиваля «Капитан Грей»; Международного литературного конкурса «Данко», литературного конкурса им. Курбатова, лауреат I открытого межрегионального литературного конкурса имени Алексея Пичкова «Снежные дали», международной литературной премии им. М.В. Исаковского.

Живет в Нижнем Новгороде.

ДВАЖДЫ СПАСЕННЫЙ

Я шла непривычно чистыми дорожками зимнего кладбища, выискивая глазами крепкий дубовый крест с большой фотографией. Вон от той старой запорошенной ели два раза свернуть направо. Перед Новым годом здесь по-особенному безлюдно и немного жутковато. 31 декабря. День рождения бабушки.

Наползали сумерки. У соседней оградки, сгорбившись, стояла женщина в белой норковой шубе, темном пуховом платке и огромных валенках. Лица ее не было видно, но такое несоответствие старомодного платка, по-старушечьи завязанного назад, опавших плеч, сутулой спины и этой элегантной шубы поневоле бросалось в глаза. У ног стояла потертая, но еще крепкая пузатая хозяйственная сумка.

– Снега в этом году мало, пробираться несложно! – она повернулась ко мне и попыталась улыбнуться.

Женщина не была старой, как мне показалось со спины. Лет пятьдесят пять, максимум шестьдесят, не больше. Ее открытое бледное лицо можно было назвать интересным, но из-за отсутствия красок оно походило на безжизненное полотно, на котором выделялись только темные смородиновые глаза.

– Еще и дорожки почистили, – ответила я, чтобы не молчать, и шагнула к могиле.

– Бабушка ваша?.. А я ведь знала ее. Известная в городе акушер-гинеколог была...

...этот день всегда справляли шумно и весело, начиная праздновать прямо с утра. Так было заведено, потому что вечер уже принадлежал Новому году. Угораздило же нашу Елизавету Петровну так родиться! Но была своя прелесть, и особенность этого дня сформировала важную семейную традицию. Ближе к ночи мы могли разбежаться по своим компаниям, но день принадлежал бабушке. Иногда вздыхали и сетовали на катастрофическую нехватку времени, бубнили, что пора бы перенести этот день рождения на потом, но спорить было бесполезно. Даже обсуждать эти крамольные мысли бабушка не хотела. И каждый раз, отбросив все дела, семья неизменно собиралась за столом, поздравить нашу дорогую Елизавету Петровну и вместе проводить старый год. Всем руководила сама именинница. Стол всегда был накрыт к приходу гостей и выглядел безупречно. Все продумано до мелочей: от толстых новогодних свечей в глянцевых разноцветных стаканчиках и салфеток с Дедом Морозом до вкуснейших кулинарных изысков. В свой день бабушка бывала в ударе. Юморная от природы, в праздник она просто отжигала, заражая всех весельем. Казалось, так будет всегда. По-другому просто невозможно! Она умерла два года назад накануне своего юбилея, в радостной суете и предвкушении большого события. Присела на табуретку передохнуть, и сердце остановилось. Это нас всех ошарашило. Сразу все изменилось. Мы осиротели без этих новогодних утренников, а приближение заветной даты теперь вводило в ступор. Я стала ездить на кладбище, не в день смерти, а в день рождения. Оставалось впечатление как от общения с близким человеком.

– Если б не ее помощь, не родился бы мой сыночек! – по лицу женщины промелькнула тень улыбки, связанной с воспоминаниями.

– Да, это она, наша Елизавета Петровна. Всю жизнь в роддоме работала, заведовала отделением. Из ее новорожденных мог бы целый город получиться! Причем все самые сложные случаи попадали именно к ней.

– Вот-вот! И мы с Николашей ей достались. Долгая история, я почти смирилась: детей никогда не будет. А муж до последнего надеялся. И вдруг – такая радость! Ребеночка Бог послал. Поначалу даже верить в это чудо боялись. Мне уже под сорок было. Не все гладко протекало, пришлось в больнице лежать. Там я с вашей бабушкой и познакомилась. Благодаря ее назначениям и получилось выносить ребенка. Но дальше снова проблемы. Роды начались внезапно, отслойка плаценты и кровотечение. На счастье, в этот день дежурила Елизавета Петровна. Меня без промедления отвезли в операционную и сделали кесарево. Бабушка ваша оперировала. Сказать, как я ей благодарна – ничего не сказать. Это она подарила мне счастье быть матерью, – женщина умолкла. – Летом можно уже и памятник поставить.

С большой фотографии мне улыбался молодой парень в светлых куртках с веселыми чуть прищуренными глазами, похожий на свою мать.

– Это же он, сыночек ваш?

В ответ она только кивнула, шмыгнув в комок носового платка.

– Надо же, лежат теперь рядом ваша бабушка и мой Николаша. С первого вздоха и здесь вместе. Удивительны дела твои, Господи!

– И что же случилось? – осторожно произнесла я после паузы.

– С того момента, как сын родился, вся наша жизнь закружилась вокруг него. Я с работы ушла, чтобы точно знать, как он кушает, спит, с кем и сколько времени гуляет. Как с ума сошла, детские вещи скупала чемоданами, развивала его сама, по специальным книжкам. Садик исключила с самого начала. На прививки не водила, боялась, подцепит какую-нибудь заразу. Вызывала врача частного центра на дом. В детской поликлинике все меня знали и старались не связываться. Всю жизнь подчинила нашему кудрявому солнышку. Светлому ребенку. Такой он смысленный был, такой хорошенький. Не хотела его и в школу отдавать, договорилась уже об индивидуальном обучении, но тут муж взбунтовался. Как посмотрел на меня, как выговорил: любому человеку необходим социум, а уж ребенку... Пришлось подчиниться. Наверно, прав он был. Я тогда обнаружила, что у Николаши общение со сверстниками началось только со школы. Он погрузился в новую жизнь, и каждый вечер захлеб рассказывал мне свои новости. Это было время открытий. Друзья появились, хорошие мальчишки – Валик и Павлик. Я все сделала, чтобы они как можно больше времени у нас дома проводили. Когда на глазах, как-то спокойнее. Так они и дружили до самого конца.

– Он 31 декабря умер? Поэтому вы тут сегодня? – я всматривалась в заледеневшую табличку с датами рождения и смерти.

– Да нет... Прихожу сюда к нему Новый год справлять. Любимый праздник Николаши. С детства. Не могу же я его одного в такой день оставить, – женщина присела на скамеечку и вытянула ноги в больших несурзных валенках. – Я и в прошлом году с ним тут была. Разговаривали всю ночь. Ну, я говорила, а он слушал. Свечки зажгла, вкусностей принесла, елочку маленькую с игрушками поставила. Его любимую.

– Неужели не страшно? Ночью, одной, на кладбище?

– А кого мне бояться? Да и не одна, с сыном. Я и в этот раз целую сумку наготовила, все, что любил мой мальчик, принесла.

– Как вас только муж отпускает?.. И почему он не с вами?

– Мы расстались после смерти сына. Муж всегда называл меня сумасшедшей матерью. Сначала в шутку, потом всерьез. Он считал, излишняя забота о ребенке ему только вредит. Доказывал абсурдность моего поведения. Но все было бесполезно. Когда Николаши не стало, я предложила развестись. Он отказался, но ушел жить к своей матери. Правильно сделал. Что ушел – правильно. Не смогли бы мы дальше вместе... Давайте помянем вашу бабушку и моего сыночка!

Женщина смахнула снег с лавочки, постелила яркую новогоднюю скатерку, достала из сумки фляжку с коньяком, бутерброды с красной икрой. Я присела напротив, наблюдая, как она зажигает свечу в красном стаканчике и ставит рядом с фотографией сына.

– Бабушка тоже любила украшать новогодний стол свечами в разноцветном стекле! Меня, кстати, Наташей зовут.

– Я Маргарита.

Женщина наполнила две рюмочки коньяком и покрыла их бутербродами с икрой. Потом налила нам.

– Так забавно, Николаша в детстве называл их бутербродами с шариками и очень любил. А под ёлочку всегда Деду Морозу машинку заказывал. Обязательно – джип. Получилась целая коллекция,

мы ее новогодней называли. И когда вырос, мечты не поменялись. О джипах мог рассказывать бесконечно. Все эти разговоры заканчивал одинаково: «Дождусь ли я своего джипа?» И обязательно хитро подмигивал.

Я засмотрелась на разгоревшуюся свечу. В сумраке огонь немного подрагивал, становился то ярче, то будто затухал. По портрету гуляли тени от языков пламени,

– Пока горит свеча, кажется, мальчик мой живой, смотрит на меня и улыбается.

Мы выпили, не чокаясь. Коньяк сразу согрел.

– Расскажите, что было дальше?

– Николаша поступил в престижный вуз. Все силы мы кинули на подготовку к ЕГЭ и репетиторов. Ему казалось, он самое важное дело своей жизни совершил, чувствовал себя героем. Не понимал, что в институте надо еще и учиться. Первую же сессию с треском провалил. Я об этом узнала, только когда повестка из военкомата прилетела. СВО в разгаре. Подняла все связи, бегала по врачам. В детстве у сына аллергия была с кожными проявлениями, в карточке поликлиники отражено. А с возрастом все исчезло. Анализы как у космонавта. И сделать ничего нельзя. В итоге помогли. В больнице сыну сделали эту фибро... фибро-гис...

– Фиброгастроскопию? – подсказала я.

– Да, вот её. Отщипнули в желудке кусочек слизистой, а потом научили раздражающее попить, ну, чтобы язва получилась. На освидетельствовании допризывников «язву» зафиксировали. После этого муж впервые в жизни перестал со мной разговаривать. Николай тоже был расстроен. Друзья не поняли и не поддержали. Зачем только им рассказал?! Валька ушел в армию первым, бредил профессией военного и планировал через год поступать в училище, говорил, так это сделать проще. А Павлик вообще отчудил, подал заявление на службу по контракту. Дети же еще совсем! Все доблестные истории про войну только из фильмов и знали, но отчаянно хотели проявить себя. И сын туда же, все мои доводы отвергал, тоже рвался Родину защищать. Провожали всем классом сначала Вальку, а потом Павлика. Мальчишки ушли в неизвестность, а Николаша остался со мной. Дома, в безопасности.

– Хотели оградить его, спасти?

– Хотела, еще как хотела!.. Через неделю пьяный водитель большого джипа не справился с управлением. Въехал прямо в остановку, полную людей. Один погибший. Мой сын... Дождался своего джипа. Как раз в больницу ехал, забрать акты для военкомата...

Моя собеседница надолго замолчала. В тишине мы выпили еще по стопке. Поднялся ветер, и стало вьюжить. Пора возвращаться. Я медленно поднялась.

– Удачи вам! И спасибо, что выслушали. Бог даст, еще увидимся! – Маргарита подняла свои темные глаза и грустно улыбнулась. – Подстелила сыну соломку. А он упал. Только не туда, мимо... Ребята, друзья Николаши, мне пишут, с праздниками поздравляют. Все хорошо у них, живы, здоровы. Валентин, как мечтал, после года армии в военное поступил. А Павлик по-прежнему на СВО. Недавно в отпуск приезжал, ко мне забегал. Изменился, конечно. Уже не мальчик, даже взгляд другой. Хлебнул испытаний, в госпитале с ранением долго провалялся. И вот опять к своим поехал...

Меня долго не отпускала та странная встреча. Я не пыталась установить окончательную истину, однако снова и снова мысленно возвращалась к своей случайной знакомой. Через год, собираясь к бабушке на кладбище, я положила в сумку бутылочку коньяка, маленькие рюмки и две толстые свечи в цветных стаканах. Сунула в пластиковый контейнер бутерброды с красной икрой.

Я шла по слегка заметной дорожке, издалека высматривая фигуру в белой шубе. Но никого не было видно. Подошла ближе. Там, где раньше стояла скамейка, теперь возвышался свежий холмик, украшенный цветами. С большой фотографии на новом деревянном кресте смородиновыми глазами смотрела красивая Маргарита.

Мне понадобилось несколько минут, чтобы прийти в себя. Поставив на могилы три рюмки с коньяком, я положила на них бутерброды и зажгла свечи.